

Леонтий

Мои заметки и воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леонтий**
Мои заметки и воспоминания / Леонтий – М.: Книга по Требованию, 2026. – 138 с.

ISBN 978-5-519-93150-2

ISBN 978-5-519-93150-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

классъ, и всѣ они имѣли по сту и болѣе учениковъ. Понятно, какъ трудно было учителямъ слѣдить за успѣхами воспитанниковъ. Помогали, такъ называемые, аудиторы, или потатчики изъ лучшихъ учениковъ, которые предварительно выслушивали уроки другихъ по росписанію учителей, и записывали въ такъ называемомъ номерѣ степень знанія урока знаками *z*, *er*, *nb*, *ns*, т. е. *scit*—знаетъ, *erranter*—ошибочно; *nb*—нехорошо, *ns*—nescit—не знаетъ. Отмѣтки эти полагались къ приходу учителя на столъ,—и онъ, по своему усмотрѣнію повѣрялъ ихъ. Недобрыя сцены припоминаются при повѣркѣ ихъ. Жестоко наказывали розгами неисправныхъ, а стояніе на колѣняхъ за партой, или у порога—было обычно. Обращеніе съ учениками было вообще суровое, и часто безтактное. Греческій языкъ и церковный уставъ въ нашемъ 1-мъ низшемъ отдѣленіи преподавалъ учитель—нѣкто С. П. Кутеповъ. Самъ онъ плохо зналъ свой предметъ, а любилъ рпсоваться, и казаться знатокомъ. Разъ какъ-то пріѣхалъ на урокъ ректоръ Семинаріи, архимандритъ Варлаамъ (бывшій впослѣдствіи архіепископомъ Tobольскимъ, и скончавшійся на покой въ Бѣлгородскомъ монастырѣ). Учитель сразу струсилъ. Начинаетъ ректоръ спрашивать одного, другого ученика; оказываются ошибки въ переводѣ на русскій языкъ; ученикъ конфузится. Ректоръ обращается къ учителю: „Поправь, скажи самъ“,—а сей самъ сказалъ новую ошибку. „Дуракъ ты, учитель,—самъ не знаешь“. Тутъ и большая грамматика греческая Ляшевскаго, которую держалъ въ рукахъ Кутеповъ, не помогла. Вышла сцена пресмѣшная. Какой же авторитетъ могъ имѣть учитель такой предъ мальчиками! Этотъ же господинъ приходитъ въ классъ однажды на послѣобѣденные часы, минутъ за 20 до окончанія урока церковнаго устава въ нетрезвомъ видѣ. Мы, мальчики, соскучившись долгимъ ожиданіемъ наставника, расшалились, барахтались среди класса и конечно, подняли пылъ. Вдругъ входитъ Кутеповъ съ бранью, крикомъ. Быстро ушли мы на свои мѣста за парты. Кутеповъ подходитъ ко мнѣ и вопить: „Ты цензоръ, ты виноватъ въ шумѣ и безпорядкѣ“,—хлопъ меня своею огромною ладонью по одной щекѣ, потомъ по другой; „къ порогу“, закричалъ затѣмъ,—и меня раба Божія—сильно наказали, напрасно, можно сказать. Что могъ сдѣлать я, мальчикъ, хотъ былъ я и цензоръ въ классѣ, съ

другими шалунами, коихъ было достаточно въ сотнѣ учениковъ? Заношу фактъ въ свои замѣтки потому, что онъ на всю жизнь оставилъ во мнѣ впечатлѣніе тяжелое, и въ послѣдствіи послужилъ мнѣ урокомъ для благоразумнаго обращенія съ дѣтьми, когда самому пришлось быть начальникомъ духовно-учебныхъ заведеній.—

Въ 1-мъ высшемъ отдѣленіи или въ 4-мъ классѣ Воронежскаго училища мнѣ пришлось быть недолго, только первую треть, по случаю открытія въ г. Павловскѣ уѣзднаго училища 3-го и 4-го классовъ. Однакожь и одна треть эта мнѣ памятна съ нѣкоторыхъ сторонъ. Здѣсь преподавалъ латинскій языкъ о. смотритель училища соборный іеромонахъ Игнатій, а греческій—іеромонахъ Теофилактъ. Кстати вспомнилъ я, что въ 3-мъ классѣ латинскій языкъ преподавалъ инспекторъ училища священникъ Никаноръ Глаголевъ во всѣхъ отношеніяхъ умѣло. Былъ онъ горячъ, но добръ, и мы любили о. Никанора, бойкаго, живого. О. Игнатій съ манерою іезуита былъ очень аккуратенъ, и зналъ свой предметъ хорошо, но мы его не жаловали за притворство. Корчилъ онъ изъ себя аскета, не будучи такимъ на дѣлѣ. До смѣшнаго иногда доходили его выходки. Въ классѣ у насъ, въ самые лютые морозы—не топили; холодъ заставлялъ мальчиковъ бить сапогъ о сапогъ, чтобы согрѣть ноги; отъ этого происходилъ шумъ въ классѣ. „Что вы, что вы, дѣти? Духомъ Божиимъ грѣйтесь“. пѣвучимъ тономъ говорить о. Игнатій,—а самъ сидитъ въ креслѣ въ тепломъ подрясникѣ, въ теплой рясѣ, и въ теплѣйшихъ сапогахъ, или иногда въ котахъ. Руки до того зябли у насъ, что нельзя было писать, перо валилось изъ рукъ отъ холоду.

Іеромонахъ Теофилактъ былъ совершенная противоположность—Игнатію. И по виду и по жизни—это истинный подвижникъ, высокаго характера; но болѣзненный, и отъ того часто раздражительный. Съ дѣтьми онъ обращался большею частью ласково, по отечески, преподавалъ греческій языкъ превосходно, какъ рѣдкій знатокъ его. Будучи и библіотекаремъ, онъ почти жилъ въ библіотечной комнатѣ холодной, въ училищномъ корридорѣ. Съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на о. Теофилакта, благочестиваго, безкорыстнаго, умнаго и всегда почти задумчиваго. Послѣ онъ опредѣленъ смотрителемъ Задонскаго училища, и въ За-

донскѣ скончался. Вѣчная тебѣ память труженникъ благочестивый!

Въ новооткрытое уѣздное училище въ г. Павловскѣ должны были изъ Воронежскаго перейти ученики Павловскаго, Острогжскаго, Бобровскаго и Богучарскаго уѣздовъ, конечно, не принудительно. И я могъ бы остаться въ Воронежѣ, имѣя брата въ семинаріи. Но по удобству содержанія въ Павловскѣ, и по близости къ родному селу (около 40 верстъ отъ Павловска), я предпочелъ переселиться въ Павловскъ вмѣстѣ со многими другими товарищами. Это было въ началѣ 1836 года.—Главнымъ виновникомъ открытія уѣзднаго училища Павловскаго былъ соборный о. протоіерей М. Донецкій. Онъ пожертвовалъ свой домъ для 3 и 4 классовъ, хотя и самъ въ немъ помѣщался, такъ какъ онъ опредѣленъ и смотрителемъ училища. Открытіе классовъ, помнится, послѣдовало въ февралѣ 1836 г. торжественно и въ присутствіи мѣстной публики и новоназначенныхъ учителей. Мнѣ, 14-лѣтнему мальчику, пришлось говорить рѣчь при открытіи, редактиврованную класснымъ учителемъ Прозоровымъ. Началась новая жизнь. Въ 4-мъ классѣ насъ набралось не менѣе 40 ч. Были и очень взрослые, 17, 18 л., если не болѣе, такихъ было человѣкъ пять. Учились они плоховато, а по шалости были мастера. Въ пѣвческомъ хорѣ, который скоро образовался изъ учениковъ, они пѣли басами. Припоминаю Соломина, управлявшаго хоромъ, и Ключевскаго; эти басы годились бы для любого архіерейскаго хора. Первый потомъ не пошелъ далеко,—и былъ діакономъ въ Богучарѣ, кажется. Послѣдній гдѣ-то затерялся. За исключеніемъ привилегированныхъ большаковъ, всѣ прочіе занимались прилежно и вели себя благонаравно. Общежитія у насъ не было. Всѣ жили на квартирахъ по нѣскольку человѣкъ. Квартирные старшіе наблюдали за порядкомъ въ квартирахъ. Не многіе квартиры отличались удобствомъ. Я, какъ *primus*, имѣлъ уже порядочный авторитетъ, имѣлъ репетиціи, и содержалъ себя своими средствами, которыхъ немного и нужно было при дешевизнѣ и квартиры и припасовъ во время оно. На насъ четвероклассниковъ въ городѣ смотрѣли съ уваженіемъ; потому что кромѣ нашего было только одно свѣтское училище для малолѣтнихъ.

Преподаваніе предметовъ въ IV классѣ шло удовлетвори-

тельно; но не ровно. Смотритель училища протоіерей Донецкій былъ строгъ; но по временамъ подвергаемъ болѣзни запоя,—и въ это время сами учителя позволяли себѣ полѣживаться и даже не совсѣмъ прилично развлекаться. Бывали случаи, когда мы ученики просиживали въ классѣ одни безъ наставника, и сами занимались уроками. Впрочемъ учителя, по своимъ познаніямъ были у насъ дѣльные. Изъ нихъ особенной даровитостію отличался нѣкто А. Н. Прозоровъ, довольно долго исправлявшій должность инспектора. Онъ увлекалъ насъ своимъ преподаваніемъ библейской исторіи и хорошо училъ латинскому языку; въ обращеніи съ воспитанниками былъ благороденъ. Впослѣдствіи онъ былъ священникомъ въ с. Красномъ Землянскаго уѣзда и, кажется, благочиннымъ. Учитель греческаго языка—Е. II. Владиміровъ (впослѣдствіи протоіерей въ Нижнедѣвицкѣ). Этотъ, выглядывавшій уже пожилымъ, наставникъ отличался и усердіемъ и гуманностію въ отношеніи къ намъ; мы любили его за прекрасный тактъ. Помнится, онъ составилъ для публичнаго испытанія разговоръ о пользѣ знанія греческаго и латинскаго языковъ. Разговоръ я съ однимъ изъ товарищей, котораго фамилію не припомню, произносилъ въ присутствіи публики. Онъ оставилъ во всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Кое-что изъ него припоминается мнѣ и теперь. Жалѣю, что не сохранился онъ у меня въ рукописи. Инспекторомъ спустя довольно долгое время послѣ открытія училища поступилъ къ намъ кандидатъ Кіевской Д. Академіи М. Б. Кутейкинъ, человекъ умный, добрый, но болѣзненный; не любилъ онъ мелочей, а оттого ускользало отъ его взора многое, на что нужно было обращать вниманія. Вскорѣ онъ перешелъ смотрителемъ Задонскаго училища. Обычный ходъ нашихъ училищныхъ дѣлъ нарушенъ былъ внезапнымъ извѣстіемъ, что ѣдетъ ревизоръ, да еще какой? Самъ ректоръ академіи, знаменитый Иннокентій. Переполохъ сдѣлался общій; но оказался страхъ напраснымъ. Архимандритъ Иннокентій, послѣ ревизіи Воронежской Семинаріи направлявшійся въ Тифлисъ, по пути заѣхалъ и въ наше Павловское училище, былъ въ высшей степени ласковъ. деликатенъ, спросилъ по классамъ нѣсколькихъ учениковъ по разнымъ предметамъ, и скоро уѣхалъ. Лучшимъ ученикамъ (немногимъ) онъ оставилъ по 5 р. асигнаціями, и я получилъ ихъ. Это было

1836 г. Какъ теперь вижу небольшого роста архимандрита съ изящными манерами, пріятнымъ голосомъ и умнымъ лицомъ. Мнѣ онъ задалъ вопросъ по географіи: какія важнѣйшія рѣки въ Россіи. Могъ ли я тогда думать, что мнѣ придется быть преемникомъ его по Херсонской кафедрѣ? Дивны судьбы Божіи! Въ 1854 г. когда я былъ инспекторомъ Кіевской Академіи, послѣ ревизіи Воронежской Семинаріи, я посѣтилъ и Павловское училище,—какъ пріятно мнѣ было вспомнить прошедшее! Не безъ внутренняго волненія осмотрѣлъ я все, что такъ давно знакомо. Въ недавнее время многое измѣнилось къ лучшему съ внѣшней, и вѣроятно, съ внутренней стороны. И классы уже не тамъ, гдѣ были у насъ. Въ память своего воспитанія въ училищѣ, я при помощи Божіей, устроилъ тамъ домовую церковь (1882 г.) во имя трехъ святителей. Храню о немъ доселѣ лучшія воспоминанія.

Жизнь въ семинаріи.

— Въ 1837 г. перешелъ я въ Воронежскую Д. Семинарію. Перевода училищнымъ начальствомъ удостоены для продолженія ученія въ Семинаріи, многіе. Но пришлось нѣкоторымъ послѣ повѣрочнаго испытанія въ Семинаріи, возвратиться назадъ въ училище на повторительный курсъ. Экзаменовали насъ строго, привязывались къ мелочамъ съ цѣлію сконфузить. Болѣе другихъ училищъ потерпѣло Павловское, сколько и тогда мнѣ было извѣстно за несомнѣнное, по личнымъ отношеніямъ ректора Семинаріи архимандритъ Елпидифора къ протоіерею Донецкому. Вражда между ними была открытая; но оправдываетъ ли она месть на неповинныхъ дѣтяхъ? Въ послѣднее время (до 1885 г.) продолжалась переэкзаменовка учениковъ, поступающихъ въ Семинарію. Она имѣла, правда, смыслъ, когда училищное начальство (по уставу, предшествовавшему послѣднему преобразованію) обозначало въ свидѣтельствахъ только успѣхи и поведеніе, не выставляя выраженія: удостоивается перевода въ I-й классъ Семинаріи. Но по старому уставу начальство училищное переводило, по ея мнѣнію, достойныхъ. Зачѣмъ же выражать недовѣріе его рекомендаціи? Зачѣмъ ослаблять авторитетъ училищнаго начальства? А бѣдные ученики вмѣсто отдыха

въ вакаціонное время должны были работать и зубрить разные вокабулы. Не говоря уже объ отцахъ дѣтей, и тѣмъ болѣе о сиротахъ, которые несправедливо страдали, когда возвращали назадъ забракованныхъ. Вѣдь—если какіе ученики переведенные въ Семинарію не годятся тамъ, они сами собою выбудутъ. Недавно возвратились къ старому уставу въ отношеніи перевода,—и совершенно справедливо. Часто случается, что изъ слабыхъ повидимому, въ началѣ, учениковъ выходили послѣ въ успѣхахъ и дарованіи, далеко оставлявшія за собою лучшихъ считавшихся.

Я поступилъ въ 1-е низшее отдѣленіе Семинаріи или классъ Словесности (по нынѣшнему названію 1-ый классъ) первымъ ученикомъ. У насъ было три отдѣленія Словесности, по многочисленности учениковъ. Предметы еще раздѣлялись тогда, по крайней мѣрѣ, по обычаю, на главные и не главные. Главнымъ предметомъ въ низшемъ отдѣленіи, конечно, считалась риторика или Словесность. Преподавателемъ ея, профессоромъ попрежнему, былъ М. А. Снѣжинскій, вскорѣ постриженный въ монашество съ именемъ Митрофана. Онъ же скоро, затѣмъ, сдѣланъ былъ и инспекторомъ Семинаріи. М. А. Снѣжинскій при самомъ началѣ ученія далъ намъ предложеніе для сочиненія такое: „Мысли и чувствованія при вступленіи въ классъ Словесности“. Мое сочиненіе вышло лучшее, и прочитано было профессоромъ въ классѣ. Сразу этимъ завоевалъ я свою репутацію въ классѣ между товарищами.

Словесность мы изучали по Бургію на латинскомъ языкѣ съ объясненіями и дополненіями на русскомъ. Снѣжинскій преподавалъ ее намъ отлично, и съ высокимъ усердіемъ, приспособляясь къ понятіямъ учениковъ, и не скучая малопонятливостію слабыхъ. Примѣры на разныя риторическія правила и на такъ называемые *loci topici* наставникъ избиралъ изъ лучшихъ русскихъ авторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ болѣшомъ количествѣ, и мы заучивали ихъ наизусть. Это приносило большую пользу, приучая учениковъ къ изящнымъ оборотамъ рѣчи, и свободѣ языка. Строгое разграниченіе періодовъ и хрій съ примѣрами приучало насъ къ логическому построенію рѣчи, а *loci topici* и источники изобрѣтенія на вопросы: *сум, quomodo, quando, quibus auxiliis* и проч. обогащали мыслями — сонныя головы. Это была хорошая

гимнастика для ума. Скажутъ: это схоластика? Пусть такъ; однакожъ она для насъ вовсе не была скучна; всё зависитъ отъ метода преподаванія. Сочиненія на данныя темы мы писали еженедѣльно, а иногда экспромтомъ въ классѣ.

О. Митрофанъ (Сяѣжинскій) былъ и человекъ (хоть строгій) съ нѣжною, прекрасною душою. Онъ принималъ живое участіе въ ученикахъ, слѣдилъ за ними съ отеческою заботливостію, и не опускалъ по инспекціи проступковъ безъ взысканія.—что не нравилось шалунамъ. Называли его мелочнымъ; но шалуны не понимали, что изъ мелочей составляется жизнь, и отъ нихъ зависитъ направленіе ея въ добрую или худую сторону. Лично я съ особенною любовію и глубокимъ уваженіемъ воспоминаю объ о. Митрофанѣ (скончался ректоромъ въ Полоцкѣ). Я обязанъ ему очень многимъ. На 2-й годъ въ Словесности я заболѣлъ тифозною горячкою въ сильнѣйшей степени, и всѣ уже, начиная съ доктора (Малышева), отчаялись въ моемъ выздоровленіи. Но о. Митрофанъ, какъ лучшая сестра милосердія, самъ ухаживалъ за мной съ самоотверженіемъ, и сверхъ чаянія, при помощи Божіей я выздоровѣлъ. Вѣчная тебѣ память сострадательный наставникъ!

Изъ другихъ наставниковъ въ I-мъ отдѣленіи съ любовію припоминается П. Ѳ. Эвманскій, преподававшій гражданскую исторію. Разсказъ его былъ простой, обстоятельный, и занимательный. Помню, что онъ никогда не сердился, когда кто отвѣчалъ ему плохо, и дѣлалъ замѣчанія спокойно. Особенно хорошо онъ описывалъ намъ бѣдствія разрушенія Іерусалима, и почти со слезами разсказывалъ подробности, которыя производили въ насъ потрясающее впечатлѣніе. Въ послѣдствіи Эвманскій былъ кафедральнымъ протоіереемъ въ Воронежѣ, и тамъ скончался.

Въ философскомъ классѣ (переименованному потомъ въ среднее отдѣленіе, а нынѣ равняющійся 4-му классу) въ Семинаріи нашей было два отдѣленія. Я поступилъ 1-мъ ученикомъ въ первое отдѣленіе. Профессоромъ философіи у насъ былъ И. П. Некрасовъ. Философія читалась въ полномъ объемѣ. Учебною книгою было руководство Баумейстера; но его мало держались; выдавались записки, частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ. Записки эти ком-

пишпировались изъ академическихъ лекцій. Преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, рѣдко на латинскомъ, такъ какъ не всѣ ученики могли понимать сознательно латинскую рѣчь. Сочиненія писали по очереди то на русскомъ, то на латинскомъ. И. П. Некрасовъ преподавалъ съ увлеченіемъ, съ академическими замашками, обладалъ искусствомъ излагать предметъ ясно и обстоятельно, хотя не глубоко. Любилъ онъ распространяться иногда попусту, потому что не всегда готовился къ урокамъ; но мы любили его за живость и пріятное обращеніе: на повтореніи, на репетиціяхъ, чтобы отдѣлаться отъ спрашиванія, мы, бывало, заведемъ споръ, дѣлаемъ возраженія,—и время уходитъ, а Некрасовъ разгорячится и оставляетъ репетицію на слѣдующій урокъ. Некрасовъ особенно хорошо говорилъ нѣсколько лекцій о безсмертіи души. Лучшие ученики читали много для уясненія философскихъ вопросовъ. Я не поверхностно въ подлинникѣ ознакомился съ Лессингомъ, Кантомъ, Карпе, не говоря уже о Баумейстерѣ, который намъ надоѣлъ своею схоластичностью. На экзаменахъ приходилось съ нимъ возиться. Я имѣлъ случай прочесть лекціи знаменитаго *Θ. Α. Голубинскаго* (брать записки у о. Инспектора Митрофана, который училъ въ Московской Академіи) по онтологіи и метафизикѣ,—онѣ много мнѣ дали разъясненій философскихъ вопросовъ. Читалъ въ послѣдствіи книгу „О конечныхъ причинахъ“, — я многое припомнилъ изъ читаннаго въ рукописи. Преподаваніе философіи въ христіанскомъ духѣ, какъ то велось въ Семинаріяхъ, было весьма полезно не только для развитія умственнаго, но и для твердости религіозныхъ убѣжденій. Въ наше время немыслимо было вольнодумство антирелигіозное, которымъ заражались въ новѣйшее время, къ крайнему сожалѣнію, и духовноучебныя заведенія. Слава Богу, что оно проходитъ. Естественнo вспомнить здѣсь изреченіе Бэкона: „*leves gustus in philosophia ad atheismum ducere fortasse, haustus ad religionem si pleniores vero ducunt*“ —

Математику и библейскую исторію читалъ для обонхъ отдѣленій философскихъ И. А. Мишинъ. Математику онъ самъ зналъ очень плохо; читалъ по Сержинскому, а когда не приготовился, просто списывалъ изъ него на доску. Какое же онъ могъ сообщить намъ знаніе? Сами доискивались — х. Однакожъ Мишинъ былъ умный человѣкъ, только не по математикѣ. Съ здравымъ умомъ онъ соединялъ и глубоко-

мыслие; прекрасно писалъ и говорилъ проповѣди, былъ богословъ; а ему дали математику и греческій языкъ. а въ придачу еще—библейскую исторію. Последнюю онъ анализировалъ съ охотою и углубленіемъ; но по своей мѣшковатости и неповоротливости часто съ трудомъ устно изъяснялся. Его не жаловалъ почему-то о. ректоръ Семинаріи архимандритъ Елпидифоръ, можетъ быть по секретарству въ Правленіи, ибо Мишинъ былъ и секретаремъ. Смѣшная исторія мнѣ припоминается, которую расскажу не въ осужденіе покойнаго Ивана Александровича. Какъ-то разъ приходитъ въ нашъ классъ о. ректоръ на урокъ Мишина по библейской исторіи. Рѣчь шла о ноевомъ ковчегѣ. Ректоръ сѣлъ за парту, и сказалъ: „Продолжайте Ив. Александровичъ“. Смѣшавшаяся наставникъ, сробѣлъ и началъ повторять: „Ковчегъ, ковчегъ, ковчегъ былъ четвероугольный, ну какъ нашъ корпусъ“, и далѣе не могъ продолжать. Ректоръ и ученики конечно разсмѣялись,—и концертъ вышелъ и забавный и жалкій. Ректоръ всталъ, обращаясь къ намъ, и сказалъ полусмѣясь: „Ну занимайтесь: руководство у васъ по библейской исторіи (Филарета) хорошее“. По уходѣ ректора, Мишинъ оправился, и съ гнѣвомъ началъ рѣзко о немъ говорить: „Вишь пришелъ экзаменовать меня; что тутъ смѣшного?“ Обращаясь къ мнѣ въ волненіи спрашивалъ: „Ну, г. Лебединскій скажите: что тутъ смѣшного? Велика фря—ректоръ, вѣдь н я учился въ Академіи“. Не могло это конечно скраться отъ Елпидифора, и онъ, какъ говорили, далъ ему порядочную нагонку. Преподавай Мишинъ напримѣръ Гомилетику,—иное дѣло; онъ былъ бы прекраснымъ учителемъ. Да проститъ мнѣ покойный за рассказанный фактъ, который, конечно, помнятъ мои сотоварищи.

Во второмъ отдѣленіи философію преподавалъ профессоръ В. П. Остроумовъ. Онъ не походилъ ни по характеру, ни по методу преподаванія на Некрасова. Умный и логичный, онъ читалъ сухо, но основательно; его уважали, но не любили за схоластическую сухость. Всегда онъ былъ суровъ и немногорѣчивъ. Любилъ, чтобы писали кратко сочиненія. Въ критикѣ онъ былъ безпощаденъ; это имѣло хорошую сторону, но у многихъ отбивало охоту къ занятіямъ. Во всякомъ случаѣ это достойный преподаватель, который имѣлъ больше, чѣмъ Некрасовъ (по душѣ поэтъ) философскаго духа.

Самъ я слушалъ его только разъ или два. Говорю больше по отзыву его слушателей, и частію по личному знакомству. Въ обоихъ философскихъ отдѣленіяхъ учениковъ было много, болѣе 100 ч. Но пожалуй цѣлая половина училась кой-какъ, лишь бы списать лекцію, вы зубрить и отвѣтить хоть порядочно. Было довольно и записныхъ лѣвѣтцевъ, которые и покончили науку, не перешедши за предѣлъ философскаго класса въ обѣтованную землю богословія.—

Въ Богословскомъ классѣ въ Семинаріи было два отдѣленія. Главнымъ профессоромъ въ 1-мъ отдѣленіи былъ ректоръ, читавшій основное богословіе и догматику; во 2-омъ инспекторъ (о. Митрофанъ), преподававшій тѣ же предметы. Ректоръ—архим. Елпидифоръ излагалъ свои уроки превосходно, ясно, отчетливо, логично. Но онъ былъ ректоромъ только до конца 1841 г. Назначенный викаріемъ Воронежскимъ, онъ отбылъ въ С.-Петербургъ для хиротоніи, и возвратившись епископомъ поселился въ Алексѣевскомъ Акатовомъ монастырѣ. При прощаніи съ нимъ въ Семинарской залѣ учениковъ,—я говорилъ рѣчь; а потомъ, при поздравленіи съ саномъ Епископа въ Акатовомъ монастырѣ, я также говорилъ рѣчь въ присутствіи массы публики. Елпидифоръ оставилъ по себѣ отличную память, какъ ректоръ и профессоръ. При немъ въ Семинаріи былъ строгій порядокъ, и она находилась, можно сказать, въ цвѣтущемъ состояніи. Пришлось мнѣ ему отдать и послѣдній долгъ въ С.-Петербургѣ, когда я уже былъ викаріемъ Петербургскимъ, Епископомъ Ревельскимъ. Онъ участвовалъ и въ моей хиротоніи 13-го марта 1860 г. Вызванный изъ Вятки, гдѣ былъ Епископомъ, на чреду для засѣданія въ Св. Синодѣ, онъ, вообще слабый здоровьемъ, заболѣлъ сильно, и скончался въ санѣ архіепископа Таврическаго, хотя въ Епархію уже не могъ ѣхать. Перевезенный въ Лавру изъ подворья синодальнаго, что въ Кабинетской улицѣ, уже сильно больной, онъ прожилъ только не болѣе мѣсяца. Я напутствовалъ его таинствомъ Елеосвященія и Причащенія, подписалъ его завѣщаніе, и распоряжался похоронами; погребенъ онъ въ Теодоровской Лаврской церкви, рядомъ съ архіепископомъ Воронежскимъ Игнатіемъ, скончавшимся тоже на чредѣ въ Петербургѣ, въ 1851 г. Вѣчная имъ память! Вмѣстѣ они служили (Елпидифоръ былъ викаріемъ сначала при Антоніи,